

СРОЧНАЯ ВОЕННАЯ СЛУЖБА НА ЭСКАДРЕННОМ МИНОНОСЦЕ «ПЛАМЕННЫЙ», 1964–1967 гг. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ГЛАВНОГО СТАРШИНЫ И. И. МАТЮШЕВСКОГО)

М. И. Матюшевская

Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова,
Республика Беларусь, г. Могилев

Анотация. Статья посвящена изучению повседневной службы рядового и офицерского состава эскадренного миноносца Черноморского флота «Пламенный» в период 1964–1967 гг. В статье описаны дружественные визиты корабля в Румынию в августе 1964 г. и Эфиопию в январе 1966 г., приведены воспоминания командира корабля Ю. А. Гарамова о трагических событиях октября 1955 г. на линкоре «Новороссийск», которые были рассказаны им во время службы на эсминце «Пламенный». В статье сделан вывод о том, что отличительными чертами характера советских военных моряков в 1960-е гг. были интернационализм, уважение друг к другу, взаимовыручка, ответственность, дисциплинированность, высокие морально-нравственные качества. Большую роль в формировании такой системы ценностей сыграл социальный опыт, который советские люди получили в годы Великой Отечественной войны и передавали молодому поколению.

Ключевые слова: Ю. Л. Рысс, Ю. А. Гарамов, М. А. Рольский, эсmineц «Пламенный», линкор «Новороссийск», Констанца, Масауа, Хайле Селассие I, 6 американский флот, холодная война, интернационализм.

URGENT MILITARY SERVICE ON THE FLEET DESTROYER «FLAMY» IN 1964–1967 (THE ARTICLE IS BASED ON THE MEMORIES OF THE CHIEF PETTY OFFICER I. I. MATSIUSHEUSKY)

М. I. Matsiusheuskaya

A. A. Kuleshov Mogilev State University, Belarus, Mogilev

Abstract. The article is devoted to the study of everyday service of the officers and other stuff of the Black Sea Fleet destroyer "Flamy" in the period of 1964–1967. This article describes the friendly visits of the ship of Romania in August 1964 and Ethiopia in January 1966, tells the memories of captain J. Garamova, which were told by him while his serving on the destroyer "Flamy", memories about the tragic events on the battleship "Novorossiysk" in October 1955. The article concluded that the main distinctive traits of the character of Soviet sailors in the 1960s were internationalism, respect to each other, mutual help, responsibility, discipline, high moral qualities. A major role in the formation of the value system played social experience that the Soviet people have received during the years of World War II and transferred to the younger generation.

Key words: Y. L. Ryss, Y. A. Garamov, M. A. Rolsky, the fleet destroyer «Flamy», the battleship «Novorossiysk», Constanta, Massawa, Haile Selassie I, 6 US Navy, the Cold War, internationalism.

Энциклопедия Черноморского флота по-военному лаконична. Говоря о судьбе эскадренного миноносца «Пламенный» она ограничивается сухим перечислением дат [1]. Между тем, история любого корабля – это, в первую очередь, история людей, служивших на нем.

Цель данной статьи – сохранить воспоминания о срочной военной службе на эскадренном миноносце «Пламенный» в период 1964–1967 г., которые были озвучены моим отцом, старшиной механиков ЗАС Матюшевским Иосифом Иосифовичем. В ноябре 1963 г. в Орше он был призван на срочную военную службу. Попал на Черноморский флот. В Николаеве выучился на механика ЗАС 1-го разряда.

О своей службе в Севастополе он вспоминает так: «... Меня привели в отдел кадров флота. Пришел высокий, крепкий человек – капитан третьего ранга, пожилой фронтовик. Он уже заканчивал службу. Это был замполит Михаил Александрович Рольский, как оказалось, тоже белорус. Доставил он меня на эскадренный миноносец «Пламенный» (в народе нас называли «племенные»). Борт корабля я переступил как раз перед Днем военно-морского флота.

Первым командиром корабля у меня был капитан второго ранга Юрий Лазаревич Рысс. Всего за мою службу сменилось три командира корабля. Замполит оставался неизменным.

Когда наш командир, капитан второго ранга Рысс, ушел на повышение, к нам на корабль пришел офицер Юрий Аршакович Гарамов, тогда еще капитан третьего ранга, а потом ему присвоили капитана второго ранга. Он стал командиром корабля. Мы с ним стали разговаривать,

и он рассказал нам, что служил на линкоре «Новороссийск». Мы стали спрашивать: «А как же так? Линкор «Новороссийск» утонул».

Гарамов служил в артиллерии, был командиром башни. А там башня 300–350 мм в диаметре. Матросы шуплые залезали в ствол, пролезали по нему и голову высовывали со ствола. Мы спрашиваем: «Как Вы оказались живы? Там же столько людей погибло?»

А он говорит: «...Перед гибелью линкора, мы были в Югославии. Пришли и отшвартовались на бочках. Это был 1955 г. Уходили в увольнение. В город увозили в увольнение на баркасе. Я на берег не сошел, а командир дивизиона дежурил по кораблю. Он зашел, меня увидел и спрашивает, почему я здесь: «У тебя что, переночевать негде в городе?» Я тогда еще холостяком был, но подруги были. Он мне говорит: «Сейчас уходит последний катер, давай, иди, что ты будешь делать на корабле?». Он меня заставил, и я ушел, добрался до берега последним катером. Переночевал, утром прихожу – полный порт людей, все взволнованные. И тут подходят с нашего корабля офицеры, которые были в увольнении и говорят: «Ты живой? Как ты здесь оказался?» Я удивился таким вопросам. А мне говорят: «Посмотри...» Я глянул, и у меня сердце чуть не остановилось: над водой выступал только борт корабля. Корабль лежал на боку. Я стал объяснять, что со мной произошло. Меня тут же отвели в особую часть – решили, что дезертир. Пока не подняли журнал корабля. Там была последняя запись: ушел баркас, и старший лейтенант Гарамов ушел вместе с ним. Командир дивизиона погиб, и очень много людей погибло.

Со всего флота сыграли боевую тревогу. Аварийно-спасательные шлюпки имелись на каждом корабле. Легкие водолазы садились на эти шлюпки и шли к терпящему бедствие кораблю. На линкоре стояли мощные баркасы. Когда он стал крениться, то тяжелые башни срывались с креплений и впечатывались в днища спасательных катеров.

Меня тягали на допросы, пока не нашли журнал. Потом оставили в покое, и я стал дальше служить, пока не пришел к вам...»

Это был тот капитан, с которым мы потом в 1967 г. на войну с Израилем ходили.

А линкор «Новороссийск» – это был итальянский линкор. Он назывался «Джулио Чезаре» и попал в СССР по репатриации – после разоружения Италии и Германии. Это была гордость итальянского флота, и после его потери итальянцы сказали, что он долго не проживет. Нам говорили, что после гибели линкора в зарубежных газетах нашли информацию, что итальянские офицеры-диверсанты были награждены большими воинскими наградами, но за что – не писали. Когда сопоставили это награждение с фактами гибели линкора – оказалось, что незадолго до взрыва к охране Черного моря подозрительно близко подходил какой-то корабль, стоял. Есть только косвенные улики, которые свидетельствуют о том, что были высажены итальянские диверсанты. Она знали, где можно подложить мины. На линкоре было пробито три палубы корабля в носовой части. Все было сделано очень грамотно. А перед этим корабль укомплектовали частью солдат, которых переодели в морскую форму, но не переобучили. Они не знали, как бороться за живучесть корабля. Пока они медлили и запрашивали, что делать, надо было котлы и паровые машины линкора запустить и корабль по инерции посадить на мель. Когда дали команду садить на мель, машины уже были затоплены, т.е. по трем палубам вода пошла, стала перегородки давить, и полностью затопила корабль.

Когда я служил в Николаеве, у нас был старшина роты, который в то время проходил срочную службу в аварийно-спасательной части водолазом. Он нам рассказывал, что ему приходилось участвовать в порезке корабля. Коридоры были забиты живой силой так, что приходилось людей резать: пока они лежали в воде, их стало разносить, и лежали все очень плотно. Было видно, что люди не боролись за живучесть корабля – не знали как.

На Северной стороне Севастополя есть общая братская могила погибших моряков с линкора «Новороссийск». По традиции моряки туда приходили, наливали чарочку. Там постоянно стояли стаканы, лежала закуска. Если кто-то поминал моряков, и мимо проходил патруль, то он никого не брал.

Сейчас информация о судьбе линкора «Новороссийск» есть в интернете [2]. Даже списки погибших [3].

На эскадренный миноносец «Пламенный» я впервые ступил, когда корабль стоял на рейде в севастопольской бухте и был весь расцвечен сигнальными флагами. Я попал в боевую часть 4. Экипаж корабля насчитывал приблизительно 290 человек вместе с офицерами. Нас было 8 человек связистов, которые обеспечивали закрытую связь в оперативном управлении на УКВ и на длинных волнах. Боевая часть состояла из сигнальщиков, радистов и ЗАСавцев. Нас, белорусов, на корабле было 3 человека, а вообще всего служило около 42 национальностей.

Я удивился и у замполита спросил: «Как это так?». Я с ним очень часто общался, потому, что все зашифрованные радиogramмы я приносил командиру и его заместителю в случае отсутствия командира. Замполит сказал, что если взять только одних дагестанцев, то у нас их около 10 человек, но они друг с другом не могут разговаривать – даргинцы, дабасаранцы и т.д. То же самое было и с грузинами. Их много в артиллерии служило: из Грузии, Аджарии, Абхазии. Украинцы служили радистами. Было много россиян, казахов.

У нас связистами служили два дагестанца. У них хорошо была развита ритмика (из-за их народных танцев). Один дагестанец – Исаев – качку не переносил, три года во время качки лежал трупом. Его хотели списать на берег. Так он слезно упрашивал командира: «Если вы спешите меня на берег, то это будет отражено в моих документах, а у нас честность превыше всего, если я кого-то обману в ауле, то со мной никто общаться не будет. Я должен буду сказать, что меня списали из-за того, что я не мог переносить качки. Многие не переносят качки. Какие качки в горах? Но это уже ущерб моему здоровью. А, значит, мне хорошей невесты не видать». Поэтому он терпел три года. Во время качки за него стояли вахту два украинца – Петренко и Галка, узбек Утешев (хороший радист), россиянин Ходченко. Но когда приходили в базу, он всем отдавал долг – стоял за них на вахте. Так он дослужил до конца службы, а когда уходил, то довольный говорил: «В ауле у нас очень ценят тех, кто служил на флоте. Я уже знаю, какая у меня там невеста. Мне родители писали, что к ней сватов послали. Она будет моя».

Русские и белорусы служили только в радиотехнических частях – глаза и уши корабля, и в основном были ЗАСовцы. Украинцы были рядовыми радистами: сидели на ключе, принимали радиogramмы и передавали их на дешифровку. Сигнальщики были в основном молдаване.

Служили мы дружно. Межнациональных конфликтов не было, но на корабле сложилась традиция – в день рождения по громкой связи звучала любимая музыкальная композиция именинника, и каждый старался, чтобы в музыкальном подарке присутствовали национальные мотивы. Я заказал «Полонез Огинского». Замполит прокомментировал: «Ну и задачу ты нам задал, Матюшевский. Искали в фонотеке на плавбазе – еле нашли».

Основная задача корабля, на который я вступил, была обнаружение подводных лодок противника и их уничтожение. Это была бригада больших противолодочных кораблей. Она состояла из 10 кораблей: «Пламенный», «Напористый», «Гневный» и др. Крейсер, где находился штаб нашей бригады, назывался «Кутузов». Там была более мощная артиллерия, и служило около 350 человек.

Мы имели на корабле один пятитрубный торпедный аппарат, две двухствольные гаубицы (на носу и на корме), пять четырехствольных автоматов зенитных 45-миллиметровых, могли брать глубинные бомбы (у нас были бомбы реактивные) и мины. Как только наступал Новый год, 1 января у нас снимался боевой выпел, и корабль должен был сдать задачи: К-1, К-2, К-3, К-4, К-5. Как только в течение 10 дней мы сдавали эти задачи, то получали опять боевой выпел и были готовы к походу и бою. Офицеры получали надбавки к окладам, но пока мы задачи не выполняли, они надбавок не получали. В простонародье говорили: «Вывесили рубль», т.е. раз вывесили выпел – есть рубль.

На следующий день после моего прибытия на корабль командир объявил нам, что завтра мы уходим с дружеским визитом в Румынию, где 24 августа 1964 г. будет праздноваться 25-летие освобождения Румынии от фашизма.

К 24 августа мы пришли в Румынию. Когда мы подошли к порту Констанца, командир нашей боевой части, капитан-лейтенант Свиридов, говорит: «Я с командиром разговаривал. Он сказал, что ты еще не прошел курс молодого бойца (досконально не изучил корабль), за границей в увольнение тебя в город отпускать нельзя. Но не известно, будешь ты еще за границей или не будешь, поэтому – отпустим». Нас комплектовали по пять человек. Я один был салага – первого года службы. Остальные – и второго, и третьего, и четвертого года службы.

Мы пошли в город. Нас предупредили, что если местное население будет приглашать, угощать, то мы можем с ними выпить, поговорить. Пришли мы в город. На нас никто внимания не обращает, идут и смотрят мимо, а у иных даже взгляд с укором, презрением. Ходили, ходили... Никто нас не приглашает, никто не угощает. Молдаванин по фамилии Кольца порумынски понимал, был старослужащим 4 года, говорит: «Давайте, салаги, ваши денежки. Раз нам выпить разрешили, пойдем сами в кафе».

Смотрим, недалеко кафе. В нем одни гражданские сидят за столиками, танцуют между столиками. Пошли туда. Сели за столик. Пришел официант, Кольца ему что-то объяснил, подал леи. Тот пересчитал и говорит, что за эту сумму с закуской будет только 200 грамм спиртного –

на всех очень мало, посоветовал купить спиртное в магазине и вернуться в кафе, а он нас обслужит, показал, куда идти. Мы так и сделали. Пришли в магазин. Я впервые увидел магазин самообслуживания. Заходим, а нам милостивые продавщицы дали каждому по корзиночке металлической. Мы прошлись, посмотрели. Нашли бутылку водки, положили одному в корзину, идем с пустыми сумками. Они нам каждому кинули по кульку конфет. Мы озадачились, хватит ли нам денег, но денег нам хватило и на водку, и на конфеты. Еще и дали сдачи.

Пришли мы в кафе. Отдали официанту водку. Он нам принес графинчик, маленькие бутербродики-тортинки. Мы выпили – пришлось грамм по 40 каждому, не больше. Уже собрался уходить, а из-за соседнего столика поднялся мужчина. Видно, что гражданский флот. Подходит и по-немецки нас приглашает к себе за столик. Ребята все в недоумении, а я в школе немецкий язык учил, понял, что он хочет, и ребятам объяснил. Ребята от приглашения отказались. Я ответил: «Danke schön!». Мы собрался уходить, а за столиком плотный немец с рыжей бородой говорит: «Они нас боятся. У нас ракеты «Поларис». Пуф! Пуф! Капут!». И показал на нас пальцем.

Со мной служил ЗАСовец Володя Паршиков, россиянин. Он был маленького роста, но в легчайшем весе на флоте занимал призовые места по тяжелой атлетике. Он покраснел весь, даже жевлоки на скулах заиграли. Подходит к немцу, который на нас пальцем показывал, берет его за шиворот, приподнимает с кресла, размахивается и говорит: «Я тебе, такую твою мать, сейчас напомним про Сталинград». А у него отец под Сталинградом погиб. Мы бросились к Володе: «Володя, Володя, успокойся!». Немцы нас обступили плотно. Что нам оставалось делать. Мы руки положили на ремни, бляхи расщемили и держим. Видимо, они уже знали, что это за оружие такое. Тут же расступились. Мы ремни защемили и ушли.

Идем. Стало смеркаться. Смотрим, город кончился. Мы пошли в другую сторону. Одни дома. Как к кораблю попасть не понятно, уже одиннадцатый час. Хмель у нас давно прошел. Пытаемся спросить у местных: подходим к решетчатой калитке, нажимаем на звонок, дверь открывается, выходит человек, молдаванин Кольца спрашивает его по-румынски, а в ответ закрывается дверь, в доме выключают свет – и тишина. Так мы подошли к четырем домикам. Может быть, люди нас боялись: кто мы такие, форма у нас белая, кругом темно, объясняемся на ломаном румынском языке?

Что делать? Видим, по улице идет мужчина. Решили мы взять его в плен. Стали по два человека с двух сторон улицы, окружили этого мужчину. Кольца начинает ему объяснять, а он на русском языке спрашивает: «Ну что, заблудились?» Мы обрадовались, отвечаем: «Да заблудились, надо в порт выйти, время увольнения заканчивается» Он в ответ: «Пойдемте, я вас выведу». Мы спрашиваем: «А откуда Вы русский язык знаете?» Он ответил, что воевал на фронте, был в плену в России и там выучил русский язык. Хорошо говорил по-русски.

Как только он нас привел в порт, мы увидели: стоит командир корабля, замполит, командир боевой части. А этот человек тут же исчез. Мы даже не заметили куда. Мы подходим к офицерам, а они стоят и хохочут: «Ну, что, защитники Сталинграда, пришли!» Как они узнали? Ведь никого с корабля больше с нами не было. В кафе сидели одни гражданские и немцы, с которыми мы чуть не подрались. Командир похвалил: «Правильно все сделали. И молодцы, что драку не учинили. Но впредь одних в город не выпущу. Защитники Сталинграда на экскурсии будут ездить в автобусе». А прозвище «защитники Сталинграда» за нами так и осталось.

Во время дальнейшей службы мы постоянно ходили в Средиземное море. Там были по три месяца, несли дежурство: ходили за американской атомной подводной лодкой 6 американского флота. Куда она – туда и мы. Вот она зайдет в территориальные воды Кипра или Крита, а мы не можем зайти – нельзя. Я делал запрос в Москву, и нам давали координаты лодки, где она выйдет. Видимо, висел спутник.

Мы заходили в Порт-Саид, заправлялись водой, топливом и продуктами: получали фрукты и верблюжатину. Верблюжатина была очень красная. На наш вопрос, почему она такая, повара отвечали, что ее тщательно вымачивают в марганцовке. Она у нас шла как говядина. В основном наши повара были азербайджанцы – готовили изумительно.

После встречи Нового 1966 года мы с дружеским визитом отправились в Эфиопию. Там был первый выпуск военно-морской офицерской школы. Эфиопские офицеры давали присягу и им вручали кортики.

Мы прошли весь Порт-Саид (там одних причальных линий 15 км – очень большой порт), потом из нас сформировали караван. Через Суэцкий канал корабли проходили караванами. Шли всю ночь. К утру дошли до середины канала. Там есть озеро. В этом озере мы стали на якорь,

подождали пока пройдет караван из Красного моря. Как только путь освободился, мы пошли дальше со скоростью 5 узлов – нельзя ни больше, ни меньше, т.к. за кораблем появляется волна, она размывает песчаный берег канала и он обсыпается. Этот берег уже тогда стали укреплять плитами, но приходилось идти на такой скорости. К нам посадили лоцмана. Поскольку шли ночью, то на нос корабля в Порт-Саиде краном нам повесили огромный фонарь (специальный герметически закрытый ящик, где были прожекторы и аккумуляторы). Мы освещали путь от корабля до кормы корабля впереди идущего. Когда пришли на Красное море, то в первом же порту мы отключили закрепляющее устройство, фонарь упал в воду. В воде была призатоплена баржа. Фонари падали в нее, потом баржа всплывала. Таким образом, очень быстро мы избавились от фонаря.

Шли мы по Красному морю, останавливались, рыбу ловили, кораллы рассматривали. До этого мы столько рыб никогда не вылавливали. Я их фотографировал. Попадались такие страшные рыбы, ужас!

Утром мы подошли к порту Массауа. Чтобы зайти в порт, надо было спросить разрешения. По международным кодам наши радисты стали делать запрос, а нам отвечают: «Назовите название корабля». Отвечаем: «Эскадренный миноносец № 200». Они нас опять запрашивают: «Назовите название корабля». Пока бегали к командиру с вопросом, что делать, можно ли дать название корабля (обычно, мы его никогда не давали), радисты приняли, что кто-то за нас ответил: «Эскадренный миноносец «Пламенный»». Кто это сделал, для нас так и осталось загадкой. Там уже стояли один французский, один американский и один английский военные корабли. Кто-то из них знал и ответил за нас. И это несмотря на то, что перед выходом в Средиземное море мы всегда меняли бортовой номер, клеивали название корабля бумагой и закрывали специальной шильдой. Ничего не было видно. Но когда мы проходили Босфор и подходили к Стамбулу, нас сопровождали катера, которые фотографировали корабль и с кормы, и с носа, и с бортов. Наш миноносец всегда облетало военно-воздушное судно с американскими опознавательными знаками, сопровождали военные корабли. Когда мы встречались с американским авианосцем в море, он всегда семафорил, приветствовал командира корабля, моряки выстраивались вдоль борта. Мы тоже выстраивались вдоль борта и их приветствовали. Если они проводили учения, мы там присутствовали, смотрели, как американцы запускают самолеты, как самолеты садятся.

Когда мы прибыли в порт Массауа и стали на якорь, к нам тут же пришел с визитом французский адмирал, поприветствовал нас. С нами был командующий Черноморским флотом. Они общались. Потом наших моряков пригласили в гости, а мы – их моряков. В кормовой части наши офицеры натягивали тент, накрывали столы, угощали их. Французы к нам очень хорошо относились. В это время у СССР с Францией были дружеские отношения. Мне нельзя было наносить такие визиты. Я на французский корабль не ступал, но вне корабля общались, менялись бескозырками, сигаретами. У меня и сейчас сохранился красный пупончик от французской бескозырки, остались фотографии.

Потом к нам на корабль приходил император Хайле Селассие I. Когда мы становились по росту, невзирая на звания и отношение к той или иной боевой части. Я на корабле занимал второе место. Первое место – Хилон из БЧ 1, он был с Волги. Естественно, что я попал в парадный взвод для того, чтобы встретить императора.

Нам выдали карабины Симонова, т.к. на корабле из оружия у нас были только автоматы и больше ничего. Выдали белые парусиновые туфли. Форма у нас также была белая с черным ремнем и черными ленточками. Мы тренировались, как должны встретить императора. Выходил командир, приветствовал нас за императора. Мы ему отвечали. И вот последняя репетиция. Выходит командир, подходит к нам и говорит: «Хала бала!». А мы уже набрали полную грудь воздуха и вместо «Здравия желаем!» захохотали. Тот в ответ: «Такую вашу... А что если вам император еще мудрее что-нибудь скажет, и вы будете ржать? Давайте опять тренироваться». Только он выходит, а мы от смеха не можем остановиться. Медик сказала, что это у нас уже истерический смех. Нас оставили в покое. Перетренировались.

Когда император пришел, он подошел к каждому. Посмотрел на ноги, потом поднял взгляд и посмотрел в глаза. И так каждому. Ко мне также подошел: низенького роста, с бородкой, черненький. У них там все негры были по два метра ростом, а этот почему-то маленький, метр пятьдесят, не больше, с каблуками и в шапке. Потом отошел, что-то сказал, руку приложивши, честь отдал. Мы гаркнули: «Здравия желаем!». Командир показал нам: «Молодцы!».

Знай наших! Затем император зашел в кают-компанию, высшие офицеры его поприветствовали, император пригласил нас к себе на прием во дворец и ушел.

Дворец у него находился на острове, на сваях. К дворцу вел мост. Мы ехали в автобусе. Нас раз пять останавливали, пересчитывали по головам, смотрели под креслами. Пришли во дворец. Смотрим – мраморный плац, а в середине – трибуна в виде форштевня корабля.

Нас построили. Сначала стояли эфиопские курсанты. К ним колоннами сзади примыкали французы, англичане, мы, американцы, потом подошли еще датчане. С трибуны император говорит, а потом его долго переводят, т.к. у эфиопов много наречий. Солнце село. Влажность сумашедшая. Стоим, а по спине между лопаток пот бежит ручьем. Щекочет. Спина чешется. Жара не спадает. Это было невыносимо. Так затекли ноги – казалось, что шага не сделаем. И тут вдруг по правую сторону от нас, почти рядом со мной (а я стоял в первой шеренге) теряет сознание американский матрос, негр двух метров ростом. Мы были только в белых перчатках, оружия у нас с собой не было, а американцы были экипированы до зубов: в касках, с карабинами. Этот матрос упал плашмя, лицом вниз на мраморный плац. Такой грохот стоял. Его падение нам прибавило сил. Думаем: «Выстоим, выдержим!» И выдержали. Только два первых шага было делать очень неприятно, а потом красивым строем прошли перед императором. Наши офицеры говорили, что император был очень доволен. А мы, когда нам сказали, что будем идти по мраморному плацу, к каблукам и носкам своих белых туфель прикрутили металлические бляшки. Такой хороший цокот стоял.

Как только мы прошли все строем, и англичане, и французы, и американцы, нас завели за амфитеатр. Мгновенно эфиопские матросы вынесли столы, стулья, соорудили сцену. На этой сцене 2 ч выступал Ансамбль песни и пляски Черноморского флота. Он вместе с нами шел в Эфиопию, тренировались у нас на корабле.

Нас разместили на этом амфитеатре, рассадили. Мы сели вперемешку с французами, а американцы – с англичанами. Надо отдать должное, пока наши корабли стояли, американцы даже близко к нам не подходили. Но им было интересно, они смотрели издалека и фотографировали нас. А англичане подходили поближе, им тоже было интересно. И вот однажды произошел такой случай. К нашему кораблю подошли трое англичан. Они были прилично выпившие. Стали нам знаками показывать: давайте меняться. Один снял часы и предложил поменяться на наш ремень. Бросил часы, а они не долетели и упали в воду. Ремень ему, естественно, не дали. Он, раздосадованный, спрашивает: «Что дать?». Попросили форменку. Он стал ее снимать, скручивать. Я напарнику говорю: «Отдай ты ему ремень. Он не такой дорогой, а ему как назад идти». Отдали ему ремень. Он доволен, форменку не одел и пошел к кораблю, а двое остальных его вели, помогали идти. Только дошли, по сходне спустился высокий, крепкий, с бородой офицер. Что-то стал матросу объяснять, тот попытался ответить, а офицер повернулся и со всей силы ударил его в челюсть. Матрос рухнул на землю. Напарники взяли его за руки, за ноги, и понесли на корабль. Вот это воспитание! Наши офицеры себе такого не позволяли. Рукоприкладства никогда не было никакого. Да и мы служили нормальнс.

Во время выступления Ансамбля песни и пляски Черноморского флота мы сидели за столиками. Всех угощали. Нам приносили фрукты. Ели то, что знали. Было много диковинок, но как их есть, мы не понимали – ананасы, например, что за шишки такие? Брала апельсины. На бананы просто смотрели. Я знал, что это такое, но в Эфиопии впервые увидел воочию. Есть их я не решился. Дали нам также пиво. Мы его выпили. Оно свое дело сделало, а куда выйти?

Вышли из амфитеатра. Кругом стоит эфиопская полиция, а как им объяснить, что нам в туалет надо? Кое-как объяснили. Полицейский понял, дал запрос по радиостанции, потом нас построил и повел. Приводит в какое-то здание, а там столы, за столами стоят негритянки и что-то готовят. Как только мы зашли – немая тишина. Полицейский нам показывает на дверь – идите туда. Мы по одному пошли, а он негритянкам что-то объяснил, и они подняли такой хохот.

Мы довольные вернулись обратно, сели за столик, фрукты чистим. Смотрим, стоит машина. На машине ящики с пивом. Англичане и американцы, выпив, как и мы, по своей бутылке пива, пошли к машине и стали еще пиво брать. Эфиопы стали у них отбирать. Американцы эфиопским неграм-матросам дали ногой под задницу, взяли по ящику пива и понесли. Потом спустились французы. Тоже взяли по ящику, принесли и стали угощать нас. Мы не пошли. Нас офицеры предупредили, что мы должны себя вести как подобает, все-таки к императору идем.

Французы угощают пивом. Мы его не берем. Нам хватило того выпитого пива. Французы поняли, хохочут и показывают под стол. А там пустые бутылки, которые они заполняли по мере своей нужды. Французы кивают нам: «И вы так делаете. Женщин нигде нет. Под столом

ничего не видно». Мы все поняли, и присоединились к французам. Вот так выпили пива во дворце эфиопского императора.

После этого был грандиозный фейерверк. Я тогда впервые такую красоту увидел: и ракеты летели, и шары, и дождь из звезд падал. Очень красиво.

Затем мы вернулись на корабль. Корабли выходили в море, показывали, как мы ходим. Императорский эфиопский корабль тоже был. Я его сфотографировал.

Днем нас отпускали в город Массауа. Туалетов нигде нет. Нас предупредили: со стаканов ничего не пейте. Если покупаете – все газированное, в закрытых упаковках, пейте с горлышка. Я там впервые попробовал кока-колу.

В Массауа на каждом шагу – красные фонари, т.е. публичные дома, в том числе итальянские (там высокие светловолосые блондинки). Нам интересно было зайти посмотреть. Итальянки нас узнавали, говорили: «Раша, о! Янки, фу!», т.е. делали комплимент как мужчинам.

Зашли мы однажды в одно заведение. Сели за столик, но мы не обратили внимания, что кресла широкие. Только сели, и тут же к каждому негрятинки-девочки прибежали, что-то нам щебечут. Смотрим – англичане, американцы сидят, развалились и специально нас дразнят. Понимают, что нам нельзя, что мы с этими девочками никуда не пойдём – «облико морале». Нашего Паршикова, «защитника Сталинграда», одна девчонка чуть ли не в охапку силком в комнату поволокла. Он стал сопротивляться. Она бескозырку схватила – и в номер. Чуть отобрали бескозырку назад. Больше мы в эти дома не ходили.

А вечером казалось, что это вообще не город Массауа, а один сплошной бордель. Идешь по городу – в домах двери открыты. А дома у них очень интересные. Двери отдвигаются, как в вагоне, и вместо колес дом стоит на сваях. К ночи двери открываются, а там видны белоснежные кровати. Негрятинка, в чем мать родила, лежит и заывает по-английски: «Два доллара! Два доллара!» Нам работники посольства объяснили, что здесь другой работы нет. Эти женщины замужем, у них есть дети. Муж работает в порту грузчиком, а женщины обслуживают моряков.

Климат в Массауа очень тяжелый – резко-континентальный. За день палуба нагревается так, что температура воздуха на солнце понимается под 40 градусов. И это у них зима. Они ходили в свитерах и пиджаках – считалось холодно. Ночью в кубриках мы спать не могли, ложились на верхней палубе. После 12 ч ночи мы бежали в кубрик, потому что температура опускалась до 0 градусов. И такая большая влажность. Летом в тени 54 градуса.

К нам сразу, как только мы прибыли в Массауа, приехали на четырех «Волгах» работники советского посольства. Все объяснили, рассказали про обычаи народа. Надо было видеть, как они ели наши сухари – нюхали и ели. У негров хлеба нет. У каждого человека из посольства, которые пришли на наш корабль, в кармане были сухари. Они говорили, что очень истосковались по хлебу. Когда они уходили, то попросили: «Может быть, вы нам пару мешочков с сухарями дадите?» Для нас сухари были не проблема. Мы на корабле сами пекли хороший вкусный хлеб. У нас была хлебопечка. Когда работники посольства уезжали, то все втиснулись в одну машину, а оставшиеся три машины набили мешками с сухарями.

Когда мы вернулись из Эфиопии, нас наградили жетоном «За дальний поход»...

Приведенные в статье воспоминания Магюшевского И.И. – только часть его рассказа о срочной военной службе на эскадренном миноносце «Пламенный» в 1964–1967 г. Не менее интересны его воспоминания о подвиге Бориса Нечаева, которого он знал лично по совместной доармейской работе в оршанском железнодорожном депо, об участии эсминца «Пламенный» в шестидневной войне между Израилем и Египтом в 1967 г.

До сих пор отец волнуется, когда говорит об этих событиях. День военно-морского флота – один из самых почитаемых им праздников. Он бережно хранит три собственноручно оформленных альбома с фотографиями событий службы и сослуживцев, коллекцию вещей, оставшихся с тех времен.

Данные воспоминания – ценный исторический источник. Традиционно историческая наука и писатели литературных произведений в первую очередь обращаются к мнениям и оценкам, высказанным высшим офицерским составом [4]. Приведенные здесь воспоминания раскрывают перед нами видение военно-морской службы в СССР середины 1960-х гг. глазами рядового участника событий.

Эти воспоминания показывают, какой была система ценностей у советских военных моряков в 1960-е г.: интернационализм, но вместе с ним – большое чувство гордости, как за всю страну, так и за свою малую родину; уважение к друг к другу; взаимовыручка; ответственность; дисциплинированность; высокие морально-нравственные качества. Большую роль в формиро-

вании такой системы ценностей сыграл социальный опыт, полученный советскими людьми в годы Великой Отечественной войны. Ее герои – отцы, которые смогли вернуться домой и те, что остались на поле боя, офицеры-фронтовики, продолжившие службу в послевоенное время, передавали этот опыт молодым поколениям.

Сегодня нам, пережившим распад СССР и наблюдающим нарастание конфликтов между когда-то братскими народами, есть чему поучиться у этих матросов и офицеров. Мы должны помнить не только отрицательные, но и положительные уроки, преподнесенные нам историей в прошлом.

Список литературы

1. Эскадренный миноносец «Пламенный» Черноморского флота // Энциклопедия Черноморского флота / СевПортал, Севастополь, 2004–2010 гг. – URL: <http://flot.sevastopol.info/ship/esminets/plamenniy.htm> (дата доступа: 03.07.2016).

2. Карамаев, С. Гибель линкора «Новороссийск» : пять версий / С. Карамаев // Центральный Военно-Морской Портал, 1998–2016 гг. – URL: <http://flot.com/history/events/novorosdeath.htm> (дата доступа: 03.07.2016).

3. Линкор Новороссийск. Списки погибших. Фотографии моряков. История линкора... / Сайт создан и поддерживается дочерью Е. М. Матусевича и А. Кушнарченко. – URL: <http://novorossiysk-linkor.ru/> (дата доступа: 03.07.2016).

4. Юрасов, А. Эфиопия / А. Юрасов // Проза.ру, 2015. – URL: <https://www.proza.ru/2015/10/14/300> (дата доступа: 03.07.2016).